Н. ГУМИЛЕВЪ

КОЛЧАНЪ

СТИХИ

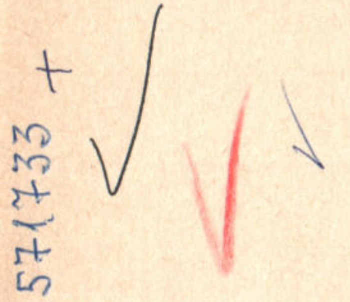
«АЛЬЦІОНА»
Москва—Петроградъ
1916

КОЛЧАНЪ

Н. ГУМИЛЕВЪ

КОЛЧАНЪ

СТИХИ

„ГИПЕРБОРЕЙ"
ПЕТРОГРАДЪ
1916.

Тип. А. Лаврова и К. Петроградъ. Ул. Гоголя, 9.

ТАТІАНѢ ВИКТОРОВНѢ

АДАМОВИЧЪ

2–979

ПАМЯТИ АННЕНСКАГО

Къ такимъ нежданнымъ и пѣвучимъ бреднямъ
Зовя съ собой умы людей,
Былъ Иннокентій Анненскій послѣднимъ
Изъ царскосельскихъ лебедей.

Я помню дни: я, робкій, торопливый,
Входилъ въ высокій кабинетъ,
Гдѣ ждалъ меня спокойный и учтивый,
Слегка сѣдѣющій поэтъ.

Десятокъ фразъ, плѣнительныхъ и странныхъ,
Какъ бы случайно уроня,
Онъ вбрасывалъ въ пространства безымянныхъ
Мечтаній—слабаго меня.

О, въ сумракъ отступающія вещи,
И еле слышные духи,
И этотъ голосъ, нѣжный и зловѣщій,
Уже читающій стихи!

Въ нихъ плакала какая то обида,
Звенѣла мѣдь и шла гроза,
А тамъ, надъ шкафомъ, профиль Эврипида
Слѣпилъ горящіе глаза.

...Скамью я знаю въ паркѣ; мнѣ сказали,
Что онъ любилъ сидѣть на ней,
Задумчиво смотря, какъ сини дали
Въ червонномъ золотѣ аллей.

Тамъ вечеромъ и страшно и красиво,
Въ туманѣ свѣтитъ мраморъ плитъ,
И женщина, какъ серна боязлива,
Во тьмѣ къ прохожему спѣшитъ.

Она глядитъ, она поетъ и плачетъ,
И снова плачетъ и поетъ,
Не понимая, что все это значитъ,
Но только чувствуя — не тотъ.

Журчитъ вода, протачивая шлюзы,
Сырой травою пахнетъ мгла,
И жалокъ голосъ одинокой музы,
Послѣдней — Царскаго Села.

ВОЙНА

М. М. Чичагову

Какъ собака на цѣпи тяжелой,
Тявкаетъ за лѣсомъ пулеметъ,
И жужжатъ шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный медъ.

А „ура" вдали, какъ будто пѣнье
Трудный день окончившихъ жнецовъ.
Скажешь: это—мирное селенье
Въ самый благостный изъ вечеровъ.

И воистину свѣтло и свято
Дѣло величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воиновъ видны.

Тружениковъ, медленно идущихъ
На поляхъ, омоченныхъ въ крови,
Подвигъ сѣющихъ и славу жнущихъ,
Нынѣ, Господи, благослови.

Какъ у тѣхъ, что гнутся надъ сохою,
Какъ у тѣхъ, что молятъ и скорбятъ,
Ихъ сердца горятъ передъ Тобою,
Восковыми свѣчками горятъ.

Но тому, о Господи, и силы
И побѣды царскій часъ даруй,
Кто поверженному скажетъ:—Милый,
Вотъ, прими мой братскій поцѣлуй!

ВЕНЕЦІЯ

Поздно. Гиганты на башнѣ
Гулко ударили три.
Сердце ночами безстрашнѣй,
Путникъ, молчи и смотри.

Городъ, какъ голосъ наяды,
Въ призрачно-свѣтломъ быломъ,
Кружевъ узорнѣй аркады,
Воды застыли стекломъ.

Вѣрно, скрываютъ колдуніи
Завѣсы черныхъ гондолъ
Тамъ, гдѣ огни на лагунѣ
— Тысячи огненныхъ пчелъ.

Левъ на колоннѣ, и ярко
Львиныя очи горятъ,
Держитъ Евангелье Марка,
Какъ серафимы крылатъ.

А на высотахъ собора,
Гдѣ отъ мозаики блескъ,
Чу, голубинаго хора
Вздохъ, воркованье и плескъ.

Можетъ быть, это лишь шутка
Скалъ и воды колдовство,
Марево? Путнику жутко,
Вдругъ... никого, ничего?

Крикнулъ. Его не слыхали,
Онъ, оборвавшись, упалъ
Въ зыбкія, блѣдныя дали
Венеціанскихъ зеркалъ.

СТАРЫЯ УСАДЬБЫ

Дома косые, двухэтажные,
И тутъ же рига, скотный дворъ,
Гдѣ у корыта гуси важные
Ведутъ немолчный разговоръ.

Въ садахъ настурціи и розаны,
Въ прудахъ зацвѣтшихъ караси,
— Усадьбы старыя разбросаны
По всей таинственной Руси.

Порою въ полдень льется по лѣсу
Неясный гулъ, невнятный крикъ,
И угадать нельзя по голосу,
То человѣкъ иль лѣсовикъ.

Порою крестный ходъ и пѣніе,
Звонятъ во всѣ колокола,
Бѣгутъ,—то значитъ, по теченію
Въ село икона приплыла.

Русь бредитъ Богомъ, краснымъ пламенемъ,
Гдѣ видно ангеловъ сквозь дымъ...
Онѣ жъ покорно вѣрятъ знаменьямъ,
Любя свое, живя своимъ.

Вотъ, гордый новою поддевкою,
Идетъ въ гостиную сосѣдъ.
Поникнувъ русою головкою,
Съ нимъ дочка — восемнадцать лѣтъ.

—„Моя Наташа безприданница,
Но не отдамъ за бѣдняка".—
И ясный взоръ ея туманится,
Дрожа, сжимается рука.

—„Отецъ не хочетъ... намъ со свадьбою
Опять придется погодить".—
Да что! Въ пруду передъ усадьбою
Русалкамъ блѣднымъ плохо ль жить?

Въ часы весенняго томленія
И пляски бѣлыхъ облаковъ,
Бываютъ головокруженія
У дѣвушекъ и стариковъ.

Но старикамъ—золотоглавые,
Святые, бѣлые скиты,
А дѣвушкамъ—одни лукавыя
Увѣщеванья пустоты.

О Русь, волшебница суровая,
Повсюду ты свое возьмешь.
Бѣжать? Но развѣ любишь новое
Иль безъ тебя да проживешь?

И не разстаться съ амулетами,
Фортуна катитъ колесо,
На полкѣ, рядомъ съ пистолетами,
Баронъ Брамбеусъ и Руссо.

ФРА БЕАТО АНДЖЕЛИКО

Въ странѣ, гдѣ гиппогрифъ веселый льва
Крылатаго зоветъ играть въ лазури,
Гдѣ выпускаетъ ночь изъ рукава
Хрустальныхъ нимфъ и вѣнценосныхъ фурій;

Въ странѣ, гдѣ тихи гробы мертвецовъ,
Но гдѣ жива ихъ воля, власть и сила,
Средь многихъ знаменитыхъ мастеровъ,
Ахъ, одного лишь сердце полюбило.

Пускай великъ небесный Рафаэль,
Любимецъ бога скалъ, Буонарроти,
Да Винчи, колдовской вкусившій хмель,
Челлини, давшій бронзѣ тайну плоти.

Но Рафаэль не грѣетъ, а слѣпитъ,
Въ Буонарроти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутитъ,
Ту душу, что повѣрила въ блаженство

На Фьезоле, средь тонкихъ тополей,
Когда горятъ въ травѣ зеленой маки,
И въ глубинѣ готическихъ церквей,
Гдѣ мученики спятъ въ прохладной ракѣ.

На всемъ, что сдѣлалъ мастеръ мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.
О да, не все умѣлъ онъ рисовать,
Но то, что рисовалъ онъ,—совершенно.

Вотъ скалы, рощи, рыцарь на конѣ,—
Куда онъ ѣдетъ, въ церковь иль къ невѣстѣ?
Горитъ заря на городской стѣнѣ,
Идутъ стада по улицамъ предмѣстій;

Марія держитъ Сына своего,
Кудряваго, съ румянцемъ благороднымъ,
Такія дѣти въ ночь подъ Рождество
Навѣрно снятся женщинамъ безплоднымъ;

И такъ не страшенъ связаннымъ святымъ
Палачъ, въ рубашку синюю одѣтый,
Имъ хорошо подъ нимбомъ золотымъ,
И здѣсь есть свѣтъ, и тамъ — иные свѣты.

А краски, краски,—ярки и чисты,
Онѣ родились съ нимъ и съ нимъ погасли.
Преданье есть: онъ растворялъ цвѣты
Въ епископами освященномъ маслѣ.

И есть еще преданье: серафимъ
Слеталъ къ нему, смѣющійся и ясный,
И кисти бралъ, и состязался съ нимъ.
Въ его искусствѣ дивномъ... но напрасно.

Есть Богъ, есть міръ, они живутъ вовѣкъ,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все въ себѣ вмѣщаетъ человѣкъ,
Который любитъ міръ и вѣритъ въ Бога.

РАЗГОВОРЪ

Георгію Иванову

Когда зеленый лучъ, послѣдній на закатѣ,
Блеснетъ и скроется, мы не узнаемъ гдѣ,
Тогда встаетъ душа и бродитъ, какъ лунатикъ,
Въ садахъ заброшенныхъ, въ безлюдьѣ площадей.

Весь міръ теперь ея, ни ангеламъ, ни птицамъ
Не позавидуетъ она въ тиши аллей,
А тѣло тащится вослѣдъ и тайно злится,
Угрюмо жалуясь на боль свою землѣ.

— „Какъ хорошо теперь сидѣть въ кафе счастливомъ,
Гдѣ надъ людской толпой потрескиваетъ газъ,
И слушать, свѣтлое потягивая пиво,
Какъ женщина поетъ „La p'tite Tonkinoise."

— „Ужъ карты весело порхаютъ надъ столами,
Цѣлятъ скучающихъ, миря ихъ съ бытіемъ.
Ты знаешь, я люблю горячими руками
Касаться золота, когда оно мое."

— „Подумай, каково мнѣ съ этой бѣсноватой,
Воображаемымъ внимая голосамъ,
Смотрѣть на мелочь звѣздъ; вѣдь очень небогато
И просто разубралъ Всевышній небеса." —

Земля по временамъ сочувственно вздыхаетъ,
И пахнетъ смолами, и пылью, и травой,
И нудно думаетъ, но все таки не знаетъ,
Какъ усмирить души мятежной торжество.

— „Вернись въ меня, дитя, стань снова грязнымъ иломъ,
Тамъ, въ глубинѣ болотъ, холоднымъ, скользкимъ дномъ.
Ты можешь выбирать между Невой и Ниломъ
Отдохновенію благопріятный домъ."

— „Пускай ушей и глазъ навѣкъ сомкнутся двери,
И пусть истлѣетъ мозгъ, предавшійся врагу,
А послѣ станешь ты растеньемъ или звѣремъ...
Знай, иначе помочь тебѣ я не могу". —

И все идетъ душа, горда своимъ удѣломъ,
Къ несуществующимъ, но золотымъ полямъ.
И все спѣшитъ за ней, изнемогая, тѣло,
И пахнетъ тлѣніемъ заманчиво земля.

РИМЪ

Волчица съ пастью кровавой
На бѣломъ, бѣломъ столбѣ,
Тебѣ, увѣнчанной славой,
По праву привѣтъ тебѣ.

Съ тобой младенцы, два брата,
Къ сосцамъ стремятся припасть.
Они не люди, волчата,
У нихъ звѣриная масть.

Неправда ль, ты ихъ любила,
Какъ маленькихъ, встарь, когда,
Рыча отъ браннаго пыла,
Сжигали они города.

Когда же въ царство покоя
Они умчались, какъ вздохъ,
Ты, долго и страшно воя,
Могилу рыла для трехъ.

Волчица, твой городъ тотъ же
У той же быстрой рѣки.
Что мраморъ высокихъ лоджій,
Колоннъ его завитки,

И ликъ Мадоннъ вдохновенный,
И храмъ святого Петра,
Покуда здѣсь неизмѣнно
Зіяетъ твоя нора,

Покуда, жесткія травы
Растутъ изъ дряхлыхъ камней
И смотритъ мѣсяцъ кровавый
Желѣзныхъ римскихъ ночей?!

И городъ цезарей дивныхъ,
Святыхъ и великихъ папъ,
Онъ крѣпокъ слѣдомъ призывныхъ,
Косматыхъ звѣриныхъ лапъ.

ПЯТИСТОПНЫЕ ЯМБЫ

М. Л. Лозинскому

Я помню ночь, какъ черную наяду,
Въ моряхъ подъ знакомъ Южнаго Креста.
Я плылъ на югъ; могучихъ волнъ громаду
Взрывали мощно лопасти винта,
И встрѣчныя суда, очей отраду,
Брала почти мгновенно темнота.

О, какъ я ихъ жалѣлъ, какъ было странно
Мнѣ думать, что они идутъ назадъ
И не остались въ бухтѣ необманной,
Что донъ Жуанъ не встрѣтилъ донны Анны,
Что горъ алмазныхъ не нашелъ Синдбадъ
И Вѣчный Жидъ несчастнѣй во сто кратъ.

Но проходили мѣсяцы, обратно
Я плылъ и увозилъ клыки слоновъ,
Картины абиссинскихъ мастеровъ,
Мѣха пантеръ—мнѣ нравились ихъ пятна—
И то, что прежде было непонятно,
Презрѣнье къ міру и усталость сновъ.

Я молодъ былъ, былъ жаденъ и увѣренъ,
Но духъ земли молчалъ, высокомѣренъ,
И умерли слѣпящія мечты,
Какъ умираютъ птицы и цвѣты.
Теперь мой голосъ медленъ и размѣренъ,
Я знаю, жизнь не удалась... и ты,

Ты, для кого искалъ я на Левантѣ
Нетлѣнный пурпуръ королевскихъ мантій,
Я проигралъ тебя, какъ Дамаянти
Когда то проигралъ безумный Наль.
Взлетѣли кости, звонкія, какъ сталь,
Упали кости—и была печаль.

Сказала ты, задумчивая, строго:
— „Я вѣрила, любила слишкомъ много,
А ухожу, не вѣря, не любя,
И предъ лицомъ Всевидящаго Бога,
Быть можетъ, самое себя губя,
Навѣкъ я отрекаюсь отъ тебя.“ —

Твоихъ волосъ не смѣлъ поцѣловать я,
Ни даже сжать холодныхъ, тонкихъ рукъ.
Я самъ себѣ былъ гадокъ, какъ паукъ,
Меня пугалъ и мучилъ каждый звукъ,
И ты ушла, въ простомъ и темномъ платьѣ
Похожая на древнее Распятье.

То лѣто было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу дѣлалось темно
И сердце биться вдругъ переставало,
Въ поляхъ колосья сыпали зерно,
И солнце даже въ полдень было ало.

И въ ревѣ человѣческой толпы,
Въ гудѣньѣ проѣзжающихъ орудій,
Въ немолчномъ зовѣ боевой трубы
Я вдругъ услышалъ пѣснь моей судьбы
И побѣжалъ, куда бѣжали люди,
Покорно повторяя: буди, буди.

Солдаты громко пѣли, и слова
Невнятны были, сердце ихъ ловило:
— „Скорѣй впередъ! Могила, такъ могила!
Намъ ложемъ будетъ свѣжая трава,
А пологомъ—зеленая листва,
Союзникомъ—архангельская сила."—

Такъ сладко эта пѣснь лилась, маня,
Что я пошелъ, и приняли меня
И дали мнѣ винтовку, и коня,
И поле, полное враговъ могучихъ,
Гудящихъ грозно бомбъ и пуль пѣвучихъ,
И небо въ молнiйныхъ и рдяныхъ тучахъ.

И счастiемъ душа обожжена
Съ тѣхъ самыхъ поръ; веселiемъ полна
И ясностью, и мудростью, о Богѣ
Со звѣздами бесѣдуетъ она,
Гласъ Бога слышитъ въ воинской тревогѣ
И Божьими зоветъ свои дороги.

Честнѣйшую честнѣйшихъ херувимъ,
Славнѣйшую славнѣйшихъ серафимъ,
Земныхъ надеждъ небесное Свершенье
Она величитъ каждое мгновенье
И чувствуетъ къ простымъ словамъ своимъ
Вниманье, милость и благоволенье.

Есть на морѣ пустынномъ монастырь
Изъ камня бѣлаго, золотоглавый,
Онъ озаренъ немеркнущею славой.
Туда бъ уйти, покинувъ мiръ лукавый,
Смотрѣть на ширь воды и неба ширь...
Въ тотъ золотой и бѣлый монастырь!

1912—1915.

ПИЗА

Солнце жжетъ высокія стѣны,
Крыши, площади и базары.
О, янтарный мраморъ Сіены
И молочно-бѣлый Каррары!

Все спокойно подъ небомъ ясным;
Вотъ, окончивъ псаломъ послѣдній,
Возвращаются дѣти въ красномъ
По домамъ отъ поздней обѣдни.

Гдѣ жъ они, суровые громы
Золотой тосканской равнины,
Ненасытная страсть Содомы
И голодный вопль Уголино?

Ахъ, и мукамъ счетъ и усладамъ
Не вѣками ведутъ — годами!
Гибеллины и гвельфы рядомъ
Задремали въ гробахъ съ гербами.

Все проходитъ, какъ тѣнь, но время
Остается, какъ прежде, мстящимъ,
И былое, темное бремя
Продолжаетъ жить въ настоящемъ.

Сатана въ нестерпимомъ блескѣ,
Оторвавшись отъ старой фрески,
Наклонился съ тоской всегдашней
Надъ кривою пизанской башней.

ЮДИѲЬ

Какой мудрѣйшею изъ мудрыхъ пиѳій
Повѣданъ будетъ намъ нелицемѣрный
Разсказъ объ іудеянкѣ Юдиѳи,-
О вавилонянинѣ Олофернѣ?

Вѣдь много дней томилась Іудея,
Опалена горячими вѣтрами,
Ни спорить, ни покорствовать не смѣя,
Предъ красными, какъ зарево, шатрами.

Сатрапъ былъ мощенъ и прекрасенъ тѣломъ,
Былъ голосъ у него, какъ гулъ сраженья,
И все же дѣвушкой не овладѣло
Томительное головокруженье.

Но, вѣрно, въ часъ блаженный и проклятый,
Когда, какъ омутъ, приняло ихъ ложе,
Поднялся ассирійскій быкъ крылатый,
Такъ странно съ ангеломъ любви несхожій.

Иль можетъ быть, въ дыму кадильницъ рѣя
И вскрикивая въ грохотѣ тимпана,
Изъ мрака будущаго Саломея
Кичилась головой Іоканаана.

СТАНСЫ

Надъ этимъ островомъ какія выси,
Какой туманъ!
И Апокалипсисъ былъ здѣсь написанъ,
И умеръ Панъ.

А есть другіе — съ пальмами, съ дворцами,
Гдѣ веселъ жнецъ
И гдѣ позванивают бубенцами
Стада овецъ.

И скрипку дивно-выгнутую въ руки,
Едва дыша,
Я взялъ и слушалъ, какъ бѣжала въ звуки
Ея душа.

Да! Это только чары, что судьбою
Я побѣжденъ,
Что ночью звѣздный дождь надъ головою,
И звонъ, и стонъ.

Я вольный, снова вѣрящій удачамъ,
Весь міръ мнѣ домъ.
Цѣлую дѣвушку съ лицомъ горячимъ
И съ жаднымъ ртомъ.

Но лишь на мигъ къ моей странѣ отъ вашей
Опущенъ мостъ.
Его сожгутъ мечи, кресты и чаши
Огромныхъ звѣздъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ

Аннѣ Ахматовой

Я изъ дому вышелъ, когда всѣ спали,
Мой спутникъ скрывался у рва въ кустахъ,
Навѣрно, на утро меня искали,
Но было поздно, мы шли въ поляхъ.

Мой спутникъ былъ желтый, худой, раскосый,
О, какъ я безумно его любилъ,
Подъ пестрой хламидой онъ пряталъ косу,
Глазами гадюки смотрѣлъ и ныль.

О старомъ, о странномъ, о безбольномъ,
О вѣчномъ слагалось его нытье,
Звучало мнѣ звономъ колокольнымъ,
Ввергало въ истому, въ забытье.

Мы видѣли горы, лѣсъ и воды,
Мы спали въ кибиткахъ чужихъ равнинъ,
Порою казалось — идемъ мы годы,
Казалось порою — лишь день одинъ.

Когда жъ мы достигли стѣны Китая,
Мой спутникъ сказалъ мнѣ: „Теперь прощай.
Намъ разны дороги: твоя—святая,
А мнѣ, мнѣ сѣять мой рисъ и чай."—

На бѣломъ пригоркѣ, надъ полемъ чайнымъ,
У пагоды ветхой сидѣлъ Будда.
Предъ нимъ я склонился въ восторгѣ тайномъ,
И было сладко, какъ никогда.

Такъ тихо, такъ тихо надъ міромъ дольнымъ,
Съ глазами гадюки, онъ пѣлъ и пѣлъ
О старомъ, о странномъ, о безбольномъ,
О вѣчномъ, и воздухъ вокругъ свѣтлѣлъ.

ЛЕОНАРДЪ

Три года чума и голодъ
Разоряли большую страну,
И народъ сказалъ Леонарду:
— Спаси насъ, ты добръ и мудръ. —

Старинныхъ, завѣтныхъ свитковъ
Всѣ тайны зналъ Леонардъ,
Въ одно короткое лѣто
Страна была спасена.

Случились распри и войны,
Когда скончался король,
Народъ сказалъ Леонарду:
— Отнынѣ король нашъ ты. —

Была Леонарду знакома
Война, искусство царей,
Поэты побѣдныя оды
Не успѣвали писать.

Когда жъ страна усмирилась
И пахарь взялся за плугъ,
Народъ сказалъ Леонарду:
— Ты молодъ, возьми жену. —

Спокойный, ясный и грустный,
Въ отвѣтъ молчалъ Леонардъ,
А ночью скрылся изъ замка,
Куда—не узналъ никто.

Лишь мальчикъ пастухъ, дремавшій
Въ ту ночь въ угрюмыхъ горахъ,
Говорилъ, что явственно слышалъ
Согласный гулъ голосовъ.

Какъ будто орелъ парящій,
Овенъ, человѣкъ и левъ
Вопіяли, пѣли, взывали,
Говорили заразъ во тьмѣ.

ПТИЦА

Я не смѣю больше молиться,
Я забылъ слова литаніи,
Надо мной грозящая птица,
И глаза у нея—огни.

Вотъ я слышу сдержанный клекотъ,
Словно звонъ истлѣвшихъ цимбалъ,
Словно моря дальняго рокотъ,
Моря, бьющаго въ груди скалъ.

Вотъ я вижу—когти стальные
Наклоняются надо мной,
Словно струи дрожатъ рѣчныя,
Озаряемыя луной.

4—979

Я пугаюсь, чего ей надо,
Я не юноша Ганимедъ,
Надо мною небо Эллады
Не струило свой нѣжный свѣтъ.

Если жъ это голубь Господень
Прилетѣлъ сказать — Ты готовъ! —
То зачѣмъ же онъ такъ несходенъ
Съ голубями нашихъ садовъ?

КАНЦОНЫ

1.

Словно вѣтеръ страны счастливой,
Носятся жалобы влюбленныхъ,
Какъ колосья созрѣвшей нивы,
Клонятся головы непреклонныхъ.

Запѣваетъ арабъ въ пустынѣ—
„Душу мнѣ вырвали изъ тѣла".
Стонетъ грекъ надъ пучиной синей—
„Чайкою въ сердце ты мнѣ влетѣла".

Красота ли имъ не покорна!
Теплитъ гречанка въ ночь лампадки,
А подруга араба зерна
Благовонныя жжетъ въ палаткѣ.

Зовъ одинъ отъ края до края,
Шире, все шире и чудеснѣй,
Угадали ль вы, дорогая,
Въ этой безсвязной и бѣдной пѣснѣ?

Дорогая съ улыбкой лѣтней,
Съ узкими, слабыми руками
И, какъ медъ двухтысячелѣтній,
Душными, черными волосами.

2.

Объ Адонисѣ съ лунной красотой,
О Гіацинтѣ тонкомъ, о Нарциссѣ
И о Данаѣ, тучѣ золотой,
Еще грустятъ Аттическія выси.

Грустятъ валы ямбическихъ морей,
И журавлей кочующія стаи,
И пальма, о которой Одиссей
Разсказывалъ смущенной Навзикаѣ.

Печальный міръ не очаруютъ вновь
Ни кудри душныя, ни взоръ призывный,
Ни лепестки горячихъ губъ, ни кровь,
Стучавшая торжественно и дивно.

Правдива смерть, а жизнь бормочетъ ложь
И ты, о нѣжная, чье имя—пѣнье,
Чье тѣло—музыка, и ты идешь
На безпощадное исчезновенье.

Но мнѣ, увы, невѣдомы слова—
Землетрясенья, громы, водопады,
Чтобъ и по смерти ты была жива,
Какъ юноши и дѣвушки Эллады.

ПЕРСЕЙ

Скульптура Кановы

Его издавна любятъ музы,
Онъ юный, свѣтлый, онъ герой,
Онъ поднялъ голову Медузы
Стальной, стремительной рукой.

И не увидитъ онъ, конечно,
Онъ, въ чьей душѣ всегда гроза,
Какъ хороши, какъ человѣчны
Когда-то страшные глаза,

Черты измученнаго болью,
Теперь прекраснаго лица...
— Мальчишескому своеволью
Нѣтъ ни преграды, ни конца.

Вонъ ждетъ нагая Андромеда,
Предъ ней свивается драконъ,
Туда, туда, за нимъ побѣда
Летитъ, крылатая, какъ онъ.

СОЛНЦЕ ДУХА

Какъ могли мы прежде жить въ покоѣ
И не ждать ни радостей, ни бѣдъ,
Не мечтать объ огнезарномъ боѣ,
О рокочущей трубѣ побѣдъ.

Какъ могли мы... но еще не поздно,
Солнце духа наклонилось къ намъ,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашимъ небесамъ.

Расцвѣтаетъ духъ, какъ роза мая,
Какъ огонь, онъ разрываетъ тьму,
Тѣло, ничего не понимая,
Слѣпо повинуется ему.

Въ дикой прелести степныхъ раздолій,
Въ тихомъ таинствѣ лѣсной глуши
Ничего нѣтъ труднаго для воли
И мучительнаго для души.

Чувствую, что скоро осень будетъ,
Солнечные кончатся труды
И отъ древа духа снимутъ люди
Золотые, зрѣлые плоды.

СРЕДНЕВѢКОВЬЕ

Прошелъ патруль, стуча мечами,
Дурной монахъ прокрался къ милой,
Надъ островерхими домами
Невѣдомое опочило.

Но мы спокойны, мы поспоримъ
Со стражами Господня гнѣва,
И пахнетъ звѣздами и моремъ
Твой плащъ широкій, Женевьева.

Ты помнишь ли, какъ передъ нами
Всталъ храмъ, чернѣющій во mракѣ,
Надъ сумрачными алтарями
Горѣли огненные знаки.

Торжественный, гранитнокрылый,
Онъ охранялъ нашъ городъ сонный,
Въ немъ пѣли молоты и пилы,
Въ ночи работали масоны.

Слова ихъ скупы и случайны,
Но взоры ясны и упрямы,
Имъ древнія открыты тайны,
Какъ строить каменные храмы.

Поцѣловавъ порогъ узорный,
Свершивъ колѣнопреклоненье,
Мы попросили такъ покорно
Тебѣ и мнѣ благословенья.

Великій Мастеръ съ нивелиромъ
Стоялъ средь грохота и гула
И прошепталъ: „Идите съ миромъ,
Мы побѣждаемъ Вельзевула."

Пока они живутъ на свѣтѣ,
Творятъ законъ святого сѣва,
Мы смѣло можемъ быть, какъ дѣти,
Любить другъ друга, Женевьева.

ПАДУАНСКІЙ СОБОРЪ

Да, этотъ храмъ и дивенъ, и печаленъ,
Онъ—искушенье, радость и гроза,
Горятъ въ окошечкахъ исповѣдаленъ
Желаньемъ истомленные глаза.

Растетъ и падаетъ напѣвъ органа
И вновь растетъ полнѣе и страшнѣй,
Какъ будто кровь, бунтующая пьяно
Въ гранитныхъ венахъ сумрачныхъ церквей.

Отъ пурпура, отъ мучениковъ томныхъ,
Отъ бѣлизны ихъ обнаженныхъ тѣлъ,
Бѣжать бы изъ-подъ этихъ сводовъ темныхъ,
Пока соблазнъ душой не овладѣлъ.

Въ глухой тавернѣ стараго квартала
Сѣсть на террасѣ и спросить вина,
Тамъ отъ воды приморскаго канала
Совсѣмъ зеленой кажется стѣна.

Скорѣй! Одно послѣднее усилье!
Но вдругъ слабѣешь, выходя на дворъ,—
Готическія башни, словно крылья,
Католицизмъ въ лазури распростеръ.

ОТЪѢЗЖАЮЩЕМУ

Нѣтъ, я не въ томъ тебѣ завидую
Съ такой мучительной обидою,
Что уѣзжаешь ты и вскорѣ
На Средиземномъ будешь морѣ.

И Римъ увидишь и Сицилію,
Мѣста любезныя Виргилію,
Въ благоухающей, лимонной
Трущобѣ сложишь стихъ влюбленный.

Я это самъ не разъ испытывалъ,
Я солью моря грудь пропитывалъ,
Надъ Арно, Данта чтя обычай,
Слагалъ сонеты Беатриче.

Что до природы мнѣ, до древности,
Когда я полонъ жгучей ревности,
Вѣдь ты во всемъ ея убранствѣ
Увидѣлъ Музу Дальнихъ Странствій.

Вѣдь для тебя въ рукахъ измѣнницы
Въ хрустальномъ кубкѣ нектаръ пѣнится,
И огнедышащей бесѣды
Ты знаешь молніи и бреды.

А я, какъ нѣкими гигантами,
Торжественными фоліантами
Отъ вольной жизни запертъ въ нишу
Ея не вижу и не слышу.

СНОВА МОРЕ

Я сегодня опять услышалъ,
Какъ тяжелый якорь ползетъ,
И я видѣлъ, какъ въ море вышелъ
Пятипалубный пароходъ,
Оттого то и солнце дышитъ,
А земля говоритъ, поетъ.

Неужель хоть одна есть крыса
Въ грязной кухнѣ иль червь въ норѣ,
Хоть одинъ беззубый и лысый
И помѣшанный на добрѣ,
Что не слышатъ пѣсенъ Уллиса,
Призывающаго къ игрѣ?

Ахъ, къ игрѣ съ трезубцемъ Нептуна,
Съ косами дикихъ нереидъ
Въ часъ, когда буруны, какъ струны,
Звонко лопаются и дрожитъ
Пѣна въ нихъ или груди юной,
Самой нѣжной изъ Афродитъ.

Вотъ и я выхожу изъ дома
Повстрѣчаться съ иной судьбой,
Цѣлый міръ, чужой и знакомый,
Породниться готовъ со мной:
Береговъ изгибы, изломы,
И вода, и вѣтеръ морской.

Солнце духа, ахъ, беззакатно,
Не землѣ его побороть,
Никогда не вернусь обратно,
Усмирю усталую плоть,
Если Лѣто благопріятно,
Если любитъ меня Господь.

АФРИКАНСКАЯ НОЧЬ

Полночь сошла, непроглядная темень,
Только рѣка отъ луны блеститъ,
А за рѣкой неизвѣстное племя,
Зажигая костры, шумитъ.

Завтра мы встрѣтимся и узнаемъ,
Кому быть властителемъ этихъ мѣстъ;
Имъ помогаетъ черный камень,
Намъ—золотой натѣльный крестъ.

Вновь обхожу я бугры и ямы,
Здѣсь будутъ вещи, мулы тутъ;
Въ этой унылой странѣ Сидамо
Даже деревья не растутъ.

Весело думать: если мы одолѣемъ,—
Многихъ уже одолѣли мы,—
Снова дорога желтымъ змѣемъ
Будетъ вести съ холмовъ на холмы.

Если же завтра волны Уэби
Въ ревъ свой возьмутъ мой предсмертный вздохъ,
Мертвый, увижу, какъ въ блѣдномъ небѣ
Съ огненнымъ черный борется богъ.

Восточная Африка.

1913.

НАСТУПЛЕНІЕ

Та страна, что могла быть раемъ
Стала логовищемъ огня,
Мы четвертый день наступаемъ,
Мы не ѣли четыре дня.

Но не надо яства земного
Въ этотъ страшный и свѣтлый часъ,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлѣба питаетъ насъ.

И залитыя кровью недѣли
Ослѣпительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птицъ быстрѣй взлетаютъ клинки.

Я кричу, и мой голосъ дикій,
Это мѣдь ударяетъ въ мѣдь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гнѣвныхъ морей,
Золотое сердце Россіи
Мѣрно бьется въ груди моей.

И такъ сладко рядить Побѣду,
Словно дѣвушку, въ жемчуга,
Проходя по дымному слѣду
Отступающаго врага.

СМЕРТЬ

Есть такъ много жизней достойныхъ,
Но одна лишь достойна смерть,
Лишь подъ пулями въ рвахъ спокойныхъ
Вѣришь въ знамя Господне, твердь.

И за это знаешь такъ ясно,
Что въ единственный, строгій часъ,
Въ часъ, когда, словно облакъ красный,
Милый день уплыветъ изъ глазъ,

Сводъ небесный будетъ раздвинутъ
Предъ душою, и душу ту
Бѣлоснѣжные кони ринутъ
Въ ослѣпительную высоту.

Тамъ Начальникъ въ яркомъ доспѣхѣ,
Въ грозномъ шлемѣ звѣздныхъ лучей,
И къ старинной, бранной потѣхѣ
Огнекрылыхъ зовъ трубачей.

Но и здѣсь на землѣ не хуже
Та же смерть—ясна и проста:
Здѣсь товарищъ надъ павшимъ тужитъ
И цѣлуетъ его въ уста.

Здѣсь священникъ въ расѣ дырявой
Умиленно поетъ псаломъ,
Здѣсь играютъ маршъ величавый
Надъ едва замѣтнымъ холмомъ.

ВИДѢНІЕ

Лежалъ истомленный на ложѢ болѢзни
(Что горше, что тягостнѢй ложа болѢзни?),
И вдругъ загорѢлись усталыя очи,
Онъ видитъ, онъ слышитъ въ священномъ восторгѢ—
Выходятъ изъ мрака, выходятъ изъ ночи
Святой Пантелеймонъ и воинъ Георгій.

Вотъ рѢчь начинаетъ святой Пантелеймонъ
(Такъ сладко, когда говоритъ Пантелеймонъ)
— „Безсонны твои покраснѢвшія вѢжды,
Пылаетъ и душитъ твое изголовье,
Но я прикоснусь къ тебѢ краемъ одежды
И въ жилы пролью золотое здоровье".—

И другу вослѣдъ выступаетъ Георгій
(Какъ трубы побѣды, вѣщаетъ Георгій)
—„Отъ битвъ отрекаясь, ты жаждалъ спасенья,
Но сильнаго слезы предъ Богомъ неправы,
И Богъ не слыхалъ твоего отреченья,
Ты встанешь заутра и встанешь для славы".—

И скрылись, какъ два исчезающихъ свѣта
(Средь мрака ночного два яркіе свѣта),
Растущаго дня надвигается шорохъ,
Вотъ солнце сверкнуло, и всталъ истомленный
Съ надменной улыбкой, съ весельемъ во взорахъ
И съ сердцемъ, открытымъ для жизни бездонной.

Я вѣжливъ съ жизнью современною,
Но между нами есть преграда,
Все, что смѣшитъ ее, надменную,
Моя единая отрада.

Побѣда, слава, подвигъ—блѣдныя
Слова, затерянныя нынѣ,
Гремятъ въ душѣ, какъ громы мѣдные,
Какъ голосъ Господа въ пустынѣ.

Всегда ненужно и непрошено
Въ мой домъ спокойствіе входило;
Я клялся быть стрѣлою, брошенной
Рукой Немврода иль Ахилла.

Но нѣтъ, я не герой трагическій,
Я ироничнѣе и суше,
Я злюсь, какъ идолъ металлическій
Среди фарфоровыхъ игрушекъ.

Онъ помнитъ головы курчавыя,
Склоненныя къ его подножью,
Жрецовъ молитвы величавыя,
Грозу въ лѣсахъ, объятыхъ дрожью.

И видитъ, горестно-смѣющійся,
Всегда недвижныя качели,
Гдѣ дамѣ съ грудью выдающейся
Пастухъ играетъ на свирѣли.

1913.

Какая странная нѣга
Въ раннихъ сумеркахъ утра,
Въ таяньѣ вешняго снѣга,
Во всемъ, что гибнетъ и мудро.

Золотоглазой ночью
Мы вмѣстѣ читали Данта,
Сереброкудрой зимою
Намъ снились розы Леванта.

Утромъ вставай, тоскуя,
Грусти и радуйся скупо,
Весной проси поцѣлуя
У женщины милой и глупой.

Цвѣты, что я рвалъ ребенкомъ
Въ зеленомъ драконьемъ болотѣ,
Живые на стеблѣ тонкомъ,
О, гдѣ вы теперь цвѣтете!

Вѣдь есть же міръ лучезарнѣй,
Что недоступенъ обидамъ
Краснощекихъ аѳинскихъ парней,
Хохотавшихъ надъ Эврипидомъ.

Я не прожилъ, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вотъ Ты мнѣ явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свѣтъ на горѣ Ѳаворѣ
И безумно тоскую я,
Что взлюбилъ и сушу и море,
Весь дремучій сонъ бытія;

Что моя молодая сила
Не смирилась передъ Твоей,
Что такъ больно сердце томила
Красота твоихъ дочерей.

Но любовь развѢ цвѢтикъ алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь развѢ пламень малый,
Что ее легко погасить?

Съ этой тихой и грустной думой
Какъ нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и такъ погубилъ одну.

СЧАСТІЕ

1.

Больные вѣрятъ въ розы майскія,
И нѣжны сказки нищеты,
Заснувъ въ тюрьмѣ, видѣнья райскія
Навѣрняка увидишь ты.
Но нѣтъ тревожнѣй и заброшеннѣй—
Печали посреди шелковъ,
И я принцессѣ на горошинѣ
Всю кровь мою отдать готовъ.

2.

—„Хочешь, горбунъ, помѣняться
Своею судьбой съ моей,
Хочешь шутить и смѣяться,
Быть вольной птицей морей?"—
Онъ подозрительнымъ взглядомъ
Смѣрилъ меня всего:
—„Уходи, не стой со мной рядомъ,
Не хочу отъ тебя ничего!"—

3.

У муки столько струнъ на лютнѣ,
У счастья нѣту ни одной,
Взлетѣвшій въ небо безпріютнѣй,
Чѣмъ опустившійся на дно.
И Заклинающій проказу,
Сказавшій дѣвѣ—талифа!..
...Ему дороже нищій Лазарь
Великолѣпнаго волхва.

4.

Вѣдь я не грѣшникъ, о Боже,
Не святотатецъ, не воръ,
И я вѣрю, вѣрю, за что же
Тебя не видитъ мой взоръ?
Ахъ, я не живу въ пустынѣ,
Я молодъ, веселъ, пою,
И Ты, я знаю, отринешь
Бѣдную душу мою!

5.

Въ мой самый лучшій, свѣтлый день,
Въ тотъ день Христова Воскресенья,
Мнѣ вдругъ примнилось искупленье,
Какого я искалъ вездѣ.
Мнѣ вдругъ почудилось, что, нѣмъ,
Израненъ, нагъ, лежу я въ чащѣ,
И сталъ я плакать надо всѣмъ
Слезами радости кипящей.

ВОСЬМИСТИШІЕ

Ни шороха полночныхъ далей
Ни пѣсенъ, что пѣвала мать,
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять.
И, символъ горняго величья,
Какъ нѣкій благостный завѣтъ,
Высокое косноязычье
Тебѣ даруется, поэтъ.

ДОЖДЬ

Сквозь дождемъ забрызганныя стекла
Міръ мнѣ кажется рябымъ;
Я гляжу: ничто въ немъ не поблекло
И не сдѣлалось чужимъ.

Только зелень стала чуть зловѣщей,
Словно пролитъ купоросъ,
Но зато рисуется въ ней рѣзче
Круглый кустъ кровавыхъ розъ.

Капли въ лужахъ плещутся размѣрнѣй
И бормочутъ свой псаломъ,
Какъ монашенки въ часы вечерни
Торопливымъ голоскомъ.

Слава, слава небу въ тучахъ черныхъ!
    То—рѣка весною, гдѣ
Вмѣсто рыбъ стволы деревьевъ горныхъ
    Въ мутной мечутся водѣ.

Въ гиблыхъ омутахъ волшебныхъ мельницъ
    Ржанье бѣшеныхъ коней,
И душѣ, несчастнѣйшей изъ плѣнницъ,
    Такъ и легче и вольнѣй.

ВЕЧЕРЪ

Какъ этотъ вѣтеръ грузенъ, не крылатъ!
Съ надтреснутою дыней схожъ закатъ,

И хочется подталкивать слегка
Катящіяся вяло облака.

Въ такіе медленные вечера
Коней карьеромъ гонятъ кучера,

Сильнѣй весломъ рвутъ воду рыбаки,
Ожесточеннѣй рубятъ лѣсники

Огромные, кудрявые дубы...
А тѣ, кому довѣрены судьбы

Вселенскаго движенія и въ комъ
Всѣхъ ритмовъ бывшихъ и небывшихъ домъ,

Слагаютъ окрыленные стихи,
Расковывая косный сонъ стихій.

ГЕНУЯ

Въ Генуѣ, въ палаццо дожей
Есть старинныя картины,
На которыхъ странно схожи
Съ лебедями бригантины.

Возлѣ нихъ, сойдясь гурьбою,
Моряки и арматоры
Все ведутъ между собою
Вѣковые разговоры,

Съ блескомъ глазъ, съ усмѣшкой важной,
Какъ живые, неживые...
Отъ залива вѣтеръ влажный
Спуталъ бороды сѣдыя.

Мигъ одинъ, и будетъ чудо;
Вотъ одинъ изъ нихъ, смѣлѣя,
Спроситъ:—„Вы. сеньеръ, откуда,
Изъ Ливорно иль Пирея?

Если будете въ Брабантѣ,
Тамъ мой братъ торгуетъ лѣтомъ,
Отвезите бочку кьянти
Отъ меня ему съ привѣтомъ."—

КИТАЙСКАЯ ДѢВУШКА

Голубая бесѣдка
Посрединѣ рѣки,
Какъ плетеная клѣтка,
Гдѣ живутъ мотыльки.

И изъ этой бесѣдки
Я смотрю на зарю,
Какъ качаются вѣтки
Иногда я смотрю;

Какъ качаются вѣтки,
Какъ скользятъ челноки,
Огибая бесѣдки
Посрединѣ рѣки.

У меня же въ темницѣ
Кустъ фарфоровыхъ розъ,
Металлической птицы
Блещетъ золотомъ хвостъ.

И, не вѣря въ приманки,
Я пишу на шелку
Безмятежныя танки
Про любовь и тоску.

Мой женихъ все влюбленнѣй;
Пусть онъ лысъ и усталъ,
Онъ недавно въ Кантонѣ
Всѣ экзамены сдалъ.

РАЙ

Апостолъ Петръ, бери свои ключи,
Достойный рая въ дверь его стучитъ.

Коллоквіумъ съ отцами церкви тамъ
Покажетъ, что я въ догматахъ былъ прямъ.

Георгій пусть повѣдаетъ о томъ,
Какъ въ дни войны сражался я съ врагомъ.

Святой Антоній можетъ подтвердить,
Что плоти я никакъ не могъ смирить.

Но и святой Цециліи уста
Прошепчутъ, что душа моя чиста.

Мнѣ часто снились райскіе сады,
Среди вѣтвей румяные плоды,

Лучи и ангельскіе голоса,
Внѣміровой природы чудеса.

И знаешь ты, что утренніе сны
Какъ предзнаменованья намъ даны.

Апостолъ Петръ, вѣдь если я уйду
Отвергнутымъ, что дѣлать мнѣ въ аду?

Моя любовь растопитъ адскій ледъ,
И адскій огнь слеза моя зальетъ.

Передъ тобою темный серафимъ
Появится ходатаемъ моимъ.

Не медли болѣе, бери ключи,
Достойный рая въ дверь его стучитъ.

ИСЛАМЪ

О. Н. Высотской

Въ ночномъ кафе мы молча пили кьянти,
Когда вошелъ, спросивши шерри-бренди,
Высокій и сѣдѣющій эффенди,
Врагъ злѣйшій христіанъ на всемъ Левантѣ.

И я ему замѣтилъ:—„Перестаньте,
Мой другъ, презрительнаго корчить дэнди,
Въ тотъ часъ, когда, быть можетъ, по легендѣ
Въ зеленый сумракъ входитъ Дамаянти".—

Но онъ, ногою топнувъ, крикнулъ:—„Бабы!
Вы знаете ль, что черный камень Кабы
Поддѣльнымъ признанъ былъ на той недѣлѣ?"—

Потомъ вздохнулъ, задумавшись глубоко,
И прошепталъ съ печалью:—„Мыши съѣли
Три волоска изъ бороды Пророка".—

БОЛОНЬЯ

Нѣтъ воды вкуснѣе, чѣмъ въ Романьѣ,
Нѣтъ прекраснѣй женщинъ, чѣмъ въ Болоньѣ,
Въ лунной мглѣ разносятся признанья,
Отъ цвѣтовъ струится благовонье.

Лишь фонарь идущаго вельможи
На мгновенье выхватитъ изъ мрака
Между кружевъ розоватость кожи,
Длинный усъ, что крутитъ забiяка.

И его скорѣй проносятъ мимо,
А любовь глядитъ и торжествуетъ.
О, какъ пахнутъ волосы любимой,
Какъ дрожитъ она, когда цѣлуетъ.

Но вино, чѣмъ слаще, тѣмъ хмельнѣе,
Дама, чѣмъ красивѣй, тѣмъ лукавѣй,
Вотъ уже уходятъ ротозѣи
Въ тишинѣ мечтать о высшей славѣ.

И они придутъ, придутъ до свѣта
Съ мудрой думой о Юстиніанѣ
Къ темной двери университета,
Вѣкового логовища знаній.

Старый докторъ сгорбленъ въ красной тогѣ,
Онъ законовъ ищетъ въ беззаконьи,
Но и онъ порой волочитъ ноги
По веселымъ улицамъ Болоньи.

СКАЗКА

Тэффи

На скалѣ, у самаго края,
Гдѣ рѣка Елизабетъ, протекая,
Скалитъ камни, какъ зубы, былъ замокъ.

На его зубцы и бойницы
Прилетали тощія птицы,
Глухо каркали, предвѣщая.

А внизу, у самаго склона,
Залегала берлога дракона
Шестиногаго, съ рыжей шерстью.

Самъ хозяинъ былъ черенъ, какъ въ дегтѣ,
У него были длинные когти,
Гибкій хвостъ подъ плащемъ онъ пряталъ.

Жилъ онъ скромно, хотя не медвѣдемъ,
И извѣстно было сосѣдямъ,
Что онъ просто-напросто дьяволъ.

Но сосѣди его были тоже
Подозрительной масти и кожи,
Воронъ, оборотень и гіена.

Собирались они и до свѣта
Выли у рѣки Елизабета,
А потомъ въ домино играли.

И такъ быстро летѣло время,
Что простое крапивное сѣмя
Успѣвало взойти крапивой.

Это было еще до Адама,
Въ небесахъ жилъ не Богъ, а Брама
И на все онъ смотрѣлъ сквозь пальцы.

Жить да жить бы имъ безъ печали!
Но однажды въ ночь переспали
Вмѣстѣ оборотень и гіена.

И родился у нихъ ребенокъ,
Не то птица, не то котенокъ,
Онъ радушно былъ взятъ въ компанью.

Вотъ собрались они, какъ обычно,
И, повывъ надъ рѣкой отлично,
Какъ всегда, за игру засѣли.

И играли, играли, играли,
Какъ играть приходилось едва ли
Имъ, до одури, до одышки.

Только выигралъ все ребенокъ:
И бездонный пивной боченокъ,
И поля, и угодья, и замокъ.

Закричалъ, раздувшись, какъ груда:
„Уходите вы всѣ отсюда,
Я ни съ кѣмъ не стану дѣлиться!

„Только добрую старую маму
Посажу я въ ту самую яму,
Гдѣ была берлога дракона". —

Вечеромъ по берегу Елизабета
Ѣхала черная карета,
А въ каретѣ сидѣлъ старый дьяволъ.

Позади тащились другіе,
Озабоченные, больные,
Глухо кашляя, подвывая.

Кто храбрился, кто нылъ, кто сердился...
А тогда ужъ Адамъ родился,
Богъ спаси Адама и Еву!

НЕАПОЛЬ

Какъ эмаль, сверкаетъ море,
И багряные закаты
На готическомъ соборѣ,
Словно гарпіи, крылаты;
Но какой античной грязью
Полонъ городъ, и не вдругъ
Къ золотому безобразью
Насъ пріучитъ буйный югъ.

Пахнетъ рыбой, и лимономъ.
И духами парижанки,
Что подъ зонтикомъ зеленымъ
И несетъ креветокъ въ банкѣ;
А за кучею навоза
Два косматыхъ старика
Рѣжутъ хлѣбъ... Сальваторъ Роза
Ихъ провидѣлъ сквозь вѣка.

Здѣсь не жарко, съ моря вѣютъ
Бѣлобрысые туманы,
Все хотятъ и все не смѣютъ
Выйти въ полночь на поляны,
Гдѣ сѣдыя, грозовыя
Скалы высятся вѣнцомъ,
Гдѣ засѣла малярія
Съ желтымъ бѣшенымъ лицомъ.

И, какъ птица съ трубкой въ клювѣ,
Поднимаетъ острый гребень,
Сладко нѣжится Везувій,
Расплескавшись въ сонномъ небѣ.
Бьются облачные кони,
Поднимаясь на зенитъ,
Но, какъ истый лаццарони,
Все дымитъ онъ и храпитъ.

СТАРАЯ ДѢВА

Жизнь печальна, жизнь пустынна,
И не сжалится никто;
Тѣ же вазочки въ гостиной,
Тѣ же рамки и плато.

Томикъ пыльный, томикъ сѣрый
Я беру, тоску кляня,
Но и въ книгахъ кавалеры
Влюблены, да не въ меня.

А меня совсѣмъ иною
Отражаютъ зеркала,
Я наяда подъ луною
Въ зыби воднаго стекла.

Въ глубинѣ средневѣковья
Я принцесса, что, дрожа,
Принимаетъ славословья
Отъ красиваго пажа.

Иль на праздникѣ Версаля
Въ часъ, когда заснетъ земля,
Взоры юношей печаля,
Я плѣняю короля.

Иль влюбленъ въ мои романсы
Весь парижскій полусвѣтъ
Такъ, что мнѣ слагаетъ стансы
Съ львиной гривою поэтъ.

Выйду замужъ, буду дамой,
Злой и вѣрною женой,
Но мечтѣ моей упрямой
Никогда не стать иной.

И зато за мной, усталой,
Смерть прискачетъ на конѣ,
Словно рыцарь, съ розой алой
На чешуйчатой бронѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЧИНОВНИКЪ

Ушла... Завяли вѣтки
Сирени голубой,
И даже чижикъ въ клѣткѣ
Заплакалъ надо мной.

Что пользы, глупый чижикъ,
Что пользы намъ грустить,
Она теперь въ Парижѣ,
Въ Берлинѣ, можетъ быть.

Страшнѣе страшныхъ пугалъ
Красивымъ честный путь,
И намъ въ нашъ тихій уголъ
Бѣглянки не вернуть.

От Знаменья псаломщикъ
Въ цилиндрѣ на боку,
Большой, костлявый, тощій,
Зайдетъ попить чайку.

На дняхъ его подруга
Ушла въ веселый домъ,
И мы теперь другъ друга
Навѣрное поймемъ.

Мы ничего не знаемъ,
Ни какъ, ни почему,
Весь міръ необитаемъ,
Неясенъ онъ уму.

А пѣсню вырветъ мука,
Такъ старая она:
—„Разлука ты, разлука
Чужая сторона!"

БОЛЬНОЙ.

Въ моемъ бреду одна меня томитъ
Какихъ то острыхъ линій безконечность,
И непрерывно колоколъ звонитъ,
Какъ бой часовъ отзванивалъ бы вѣчность.

Мнѣ кажется, что послѣ смерти такъ
Съ мучительной надеждой воскресенья
Глаза вперяются въ окрестный мракъ,
Ища давно знакомыя видѣнья.

Но въ океанѣ первозданной мглы
Нѣтъ голосовъ, и нѣтъ травы зеленой,
А только кубы, ромбы, да углы,
Да злые, нескончаемые звоны.

О, хоть бы сонъ настигъ меня скорѣй!
Уйти бы, какъ на праздникъ примиренья,
На желтые пески сѣдыхъ морей
Считать большіе, бурые каменья.

ОДА Д'АННУНЦІЮ

Къ его выступленію въ Генуѣ.

Опять волчица на столбѣ
Рычитъ въ огнѣ багряныхъ свѣтовъ...
Судьба Италіи—въ судьбѣ
Ея торжественныхъ поэтовъ.

Былъ Августовъ высокій вѣкъ,
И золотыя строки были;
Спокойнѣй величавыхъ рѣкъ,
Съ ней разговаривалъ Виргилій.

Былъ вѣкъ печали; и тогда,
Какъ врагъ въ ея стучался двери,
Бѣжалъ отъ мирнаго труда
Изгнанникъ блѣдный, Алигьери.

Униженная до конца,
Страна, веселіемъ объята,
Короновала мертвеца
Въ коронованіи Торквата.

И въ дни прекраснѣйшей войны,
Которой кланяюсь я земно,
Къ которой завистью полны
И Александръ и Агамемнонъ,

Когда все лучшее, что въ насъ
Таилось скупо и сурово,
Вся сила духа, доблесть расъ,
Свои разрушило оковы—

Слова: „Встаетъ великій Римъ,
Берите ружья, дѣти горя"...
—Грознѣй громовъ; внимая имъ,
Толпа взволнованнѣе моря.

А море синей пеленой
Легло вокругъ, какъ мощь и слава
Италіи, какъ щитъ святой
Ея стариннѣйшаго права.

А горы стынутъ въ небесахъ,
Загадочны и незнакомы,
Тамъ зрѣютъ молніи въ лѣсахъ,
Тамъ чутко притаились громы.

И, конь встающій на дыбы,
Народъ повѣрилъ въ правду свѣта,
Вручая страшныя судьбы
Рукамъ изнѣженнымъ поэта.

И все поютъ, поютъ стихи
О томъ, что вольные народы
Живутъ, какъ образы стихій,
Вѣтра, и пламени, и воды.

ДВА ОТРЫВКА

изъ абиссинской поэмы.

1.

...Они бѣжали до утра,
А на день спрятались въ кустахъ.
И хороша была нора
Въ благоухающихъ цвѣтахъ.
Они боялись: ихъ найдутъ!
Кругомъ сновалъ веселый людъ,
Рабы, монахи, иногда
На бѣлыхъ мулахъ господа,
Купцы изъ дальней стороны
И въ пестрыхъ тряпкахъ колдуны;
Поклонникъ дьявола порой
Съ опущенною головой
Спѣшилъ въ нагорный Анкоберъ,
Гдѣ въ самой мрачной изъ пещеръ
Живетъ священная змѣя,
Земного матерь бытія.

А ночь настала—снова въ путь!
Успѣли за день отдохнуть,
Итти имъ вдвое веселѣй
Средь темныхъ и пустыхъ полей
И наблюдать съ хребта горы
Кой-гдѣ горящіе костры;
Гіена взвоетъ на пути,
Но не посмѣетъ подойти;
Въ прохладной тинѣ у рѣки
Вздохнутъ усталые быки,
И вновь такая тишина,
Что слышно, какъ плыветъ луна.
Потомъ пошли они въ глуши,
Гдѣ не встрѣчалось ни души,
Гдѣ только щелканье стрекозъ
Звенѣло въ заросляхъ мимозъ
И чудился межъ дикихъ скалъ
Звѣрей невѣдомыхъ оскалъ.
Луны ужъ не было; и высь
Какъ низкій потолокъ была,
Но звѣзды крупныя зажглись,
И стала вдругъ она свѣтла,
Переливалась... а внизу
Стекляный воздухъ ждалъ грозу.
И слышатъ путники вдали
Удары бубна, гулъ земли,
И видятъ путники, растетъ
Во мглѣ сомнительный восходъ.

Предъ ними странный караванъ,
Какъ будто огненный туманъ,
Пятьсотъ огромныхъ негровъ въ рядъ
Горящіе стволы влачатъ.
Другіе пляшутъ и поютъ,
Трубятъ въ рога и въ бубны бьютъ,
А на носилкахъ изъ парчи
Царевна смотритъ и молчитъ.
То дочка Мохаметъ-Али,
Купца изъ Іеменской земли,
Котораго нельзя не знать,
Такъ важенъ онъ, богатъ и старъ,
Наряды ѣдетъ покупать
Изъ Дире-Дауа въ Харраръ.
Въ арабскихъ сказкахъ принца нѣтъ,
Калифа, чтобы ей сказать:
—„Моя жемчужина, мой свѣтъ,
Позвольте мнѣ вамъ жизнь отдать".—
Въ арабскихъ сказкахъ гурій нѣтъ,
Чтобъ съ этой дѣвушкой сравнять.

2.

..И лишь тогда бывалъ онъ радъ,
Когда глядѣлъ на водопадъ,
Клоками пѣны ледяной
Дробящійся подъ крутизной.

Къ нему тропа, гдѣ вѣчно мгла,
Въ колючихъ заросляхъ вела,
А ниже, около воды,
Виднѣлись странные слѣды,
И каждый зналъ, что не спроста
Тамъ тишина и темнота
И даже птицы не поютъ,
Чтобъ оживить глухой прiютъ.
Тамъ разъ въ столѣтiе трава,
Шурша, вскрывается, какъ дверь,
Съ рогами серны, съ мордой льва
Приходитъ пить какой то звѣрь.
Кто знаетъ, гдѣ онъ былъ сто лѣтъ
И почему такъ стонетъ онъ
И заметаетъ лапой слѣдъ,
Хоть только ночь со всѣхъ сторонъ?
О, только ночь, черна, какъ смоль,
И страхъ, и буйная вода,
И въ стонахъ раненаго боль,
Не гаснущая никогда!

СОДЕРЖАНІЕ

СОДЕРЖАНІЕ

Послесловие
к репринтному изданию

Удивительна судьба книг Гумилева! Почти 70 лет у нас не переиздававшиеся, они вошли в сознание сменяющихся поколений читателей – вошли бесконечными списками, любительской декламацией. Конечно, не в одной семье сохранились, упорно проходя сквозь время, и сами книги, но все же списков – куда больше! Не исключение – прекрасные стихи из сборника, который вы держите в руках, – репринтной копии одного из той тысячи экземпляров 1916 года. (Книга готовилась в издательстве «Гиперборей», но при выходе в свет на части тиража было обозначено другое издательство – «Альциона».)

Он очень разнообразен, этот срединный сборник Гумилева (четыре книги вышло до него, четыре – после). И хотя его название как будто соответствует году издания (помните? «И год второй к концу склоняется, //Но так же реют знамена, //И так же хмуро улыбается/ /Над нашей мудростью война...»), собственно военных стихов в нем совсем мало. Гумилев познал обе стороны войны, и наступление, и отступление. И писал не только о том, как «сладко рядить Победу, //Словно девушку, в жемчуга», но и о том, что

Ровно в полночь пришло приказанье
Выступать четвертому эскадрону –
Прикрывать отход артиллерии.
Это было трудное лето,
Когда мы отходили с Карпатов,
А за нами шаг за шагом
Шла Макензенова фаланга

(публикуется здесь впервые по автографу: ЦГАЛИ, ф.147, оп.1, № 5, л.10 об.). Этот набросок неожиданен для Гумилева, и остается только сожалеть, что замысел поэта остался нереализованным.

На выход «Колчана» отозвались многие, в том числе В.М.Жирмунский, Б.М.Эйхенбаум... Но поистине провидцем оказался Сергей Городецкий, написавший: «Такие строчки, как „Наступление", не забудутся и после войны» (в статье «Поэзия как искусство», "Лукоморье", 1916. № 18. С. 20). Именно отсюда – знаменитые слова: «Золотое сердце России// Мерно бьется в груди моей». Именно отсюда – слова о собственном бессмертии: «Я, носитель мысли великой, //Не могу, не могу умереть».

Гумилев не смог избежать гибели. Но забвения он избежал.

Мих. Эльзон

"КНИЖНЫЕ РЕДКОСТИ"
Библиотека репринтных изданий

Издательство "Книга"
Москва 1990

Николай Степанович Гумилев

КОЛЧАН

Репринтное воспроизведение
издания 1916 года

Ответственный за выпуск
В.И.Синюков

Технический редактор
Л.П.Емельянова

ИБ № 1895

Подписано в печать 29.11.89. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 6,88. Уч.-изд. л. 2,12.
Тираж 100000 экз. Изд. № 4986. Зак. № 979. Цена 3 р.

Издательство "Книга"
125047, Москва, ул. Горького, 50.

Ярославский полиграфкомбинат
Государственного комитета СССР по печати
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Г $\frac{4702010102-053}{002(01)-90}$ 47-90

ISBN 5-212-00257-5

3 руб.